

В летние каникулы перед вторым классом средней школы Юйцин и Жуньшэн вместе подстриглись под ёжик. С этой причёской они не расставались до самого выпуска, пока не сдали экзамены и не поступили в старшие классы.

После выпускных экзаменов дороги ребят из нашего двора разошлись. Эрпан еле-еле наскрёб баллы на техникум, а Маганьэр прошёл только в обычную старшую школу. В те годы по конкурсу труднее всего было попасть именно в техникум: среднее специальное образование гарантировало быстрое трудоустройство. Всего три года учёбы — и тебя распределяют на завод в штат кадров или берут на госслужбу, да ещё и рабочий стаж капает с юных лет... Словом, завидовали им жутко.

С оценками Юйцина поступить в техникум было бы проще простого, но он, как и его старшие брат с сестрой, твёрдо решил получить высшее образование, а потому пошёл в ключевую старшую школу. Туда же поступил и Жуньшэн, но распределили их в разные классы.

Маганьэр ходил мрачнее тучи. Обычная школа хороших перспектив не сулила — чтобы устроиться в жизни, предстояло грызть гранит науки дальше и снова сдавать экзамены. И хотя Юйцин с Эрпаном постоянно таскали его за собой и подтягивали по предметам, да и дома ему нанимали репетиторов, с учёбой он упорно не ладил. Из-за этого на его совсем ещё юношеском лице то и дело проступала тоскливая мина замученного заботами взрослого — точь-в-точь как у его отца, Лао Хэ.

Зато Эрпан буквально светился от счастья. Юйцин подозревал, что всё дело в Хуан Ина: она поступила в тот же техникум, так что ближайшие четыре года им предстояло провести бок о бок. Теперь в присутствии Наны Эрпан важно требовал, чтобы его величали исключительно по имени-фамилии — Цянь Вэньхай. Новый статус однокурсника давал ему кучу прекрасных поводов заговаривать с ней при каждом удобном случае.

Сам Юйцин нисколько не расстраивался. Он по-прежнему считал Хуан Ина очень милой, при встречах радовался и немного смущался, но мысль о том, что они будут учиться в разных местах, его не ранила. В конце концов, в школе они общались не так уж и много.

По-настоящему Юйцин грустил из-за того, что больше не получится каждый день видеться с Маганьэром и Эрпаном. Эрпан утешал его, уверяя, что живут-то они всё равно в одном дворе, да и на завод в будущем наверняка устроятся вместе. Мол, он выпустится раньше, разведает обстановку и подготовит почву для верных друзей. Юйцин понимал: насчёт завода загадывать рано, но главное — они действительно останутся соседями по двору.

Да и ожидание перемен всегда несёт в себе сладкое предвкушение. Даже приунывший было Маганьэр быстро пришёл в себя: начал вовсю разузнавать о порядках в новой школе и обзаводиться знакомствами среди будущих одноклассников, явно планируя развернуться на новом месте вовсю.

Один лишь Жуньшэн относился к поступлению с полным безразличием, витая где-то в своих мыслях.

Видимо, понимая, что история с любовником скверно сказывается на сыне, Сюй Цзинцзин съехала из Сиреневого дворика. В огромной квартире Западного здания Жуньшэн теперь жил совсем один. Мать наняла ему прислугу, а в день экзаменов даже прислала за ним машину с личным водителем.

Жуньшэн принимал это с ледяным спокойствием. Не спорил, не возражал — делай, мол, что хочешь. Но стоило экзаменам завершиться, как он проигнорировал присланное авто, поймал попутное такси и уехал домой сам. Водитель, потеряв пассажира, поднял на уши всю округу. Словом, Жуньшэн в очередной раз довёл мать до белого каления.

Семью не выбирают. Как-то раз, собравшись вместе, Эрпан попытался утешить друга, уверяя, что идеальной жизни не бывает ни у кого.

— Вот посмотри на Юйцина, — рассуждал он. — Вечно улыбается, а ведь отца лишился ещё в утробе, это похлеще, чем сиротой вырасти. Или взять Маганьэра: родители на месте, да только ума бог не дал. Из-за этой учёбы у парня уже волосы выпадать начали. А у тебя голова варит как надо! Давай теперь на меня посмотрим: мать на заводе № 176 в бойлерной дежурит, отец в спорткомитете за копейки спину гнёт. Столько лет в лачуге ютимся, и бог знает, когда вообще новую квартиру дадут. Ты же в таком богатстве живёшь, все вокруг локти от зависти кусают. У кого-то одно есть, у кого-то другое, надо на вещи проще смотреть. Потерпи ещё три года, поступишь в институт — и поминай как звали, лети куда хочешь.

Жуньшэн только молча отмахивался. Собственное будущее его, казалось, вообще не занимало. В их годы у всех мальчишек были грандиозные планы: Маганьэр спал и видел себя большим партийным боссом, Эрпан метил в начальники цеха. А Жуньшэн о своих желаниях никогда не распространялся. Стоило Юйцину пристать к нему с расспросами, как тот лишь сверлил его глубоким, потемневшим взглядом, а потом принимался взъерошивать ему волосы. Если Юйцин не отставал, Жуньшэн просто сгребал его в охапку и начинал дурачиться — незаметно к ним вернулась былая детская близость.

Юйцин полагал, что Эрмяо просто тяжело на душе. Он помнил по себе: когда маленьким сталкиваешься с горем, всегда хочется прильнуть к кому-то близкому. А Эрмяо приткнуться было больше не к кому, вот он и льнул к нему. Порой среди возни он мог внезапно и крепко укусить Юйцина — словно вымещая невысказанную, затаённую боль.

Вообще-то кусаются только малыши, а Эрмяо давно вырос. Он становился всё более скрытным и взрослым, но в чём-то упрямо оставался сущим ребёнком. Юйцин на него не обижался. Напротив, он с глубоким сочувствием думал, что окажись он сам в шкуре друга, у него тоже наверняка завелись бы свои странности. Мелочи жизни, в конце концов. Если Эрмяо от этого хоть немного легчало, пусть кусается сколько влезет.

Куда больше Юйцина занимали думы о собственном будущем. По правде говоря, он тоже с

трудом представлял, кем хочет стать. Пойти по стопам матери и выучиться на врача? Звучало заманчиво, но он до обморока боялся крови и открытых ран. Бабушка твердила, что надо устраиваться на завод, но в глубине души Юйцину отчаянно хотелось уехать отсюда — как старший брат, посмотреть на огромный мир.

В этом отношении Эрмяо, пожалуй, ничем от него не отличался: он молчал о своих мечтах не из скрытности, а просто потому, что сам ничего не знал.

Когда-то в детстве Юйцин думал, что с таким талантом к музыке Эрмяо непременно вырастет в великого пианиста. Или пойдёт по стопам отца, инженера Фу. И то и другое казалось верхом благородства. Но шли годы, становиться профессиональным музыкантом Эрмяо не собирался — сейчас он садился за инструмент разве что ради забавы, а инженер Фу и вовсе исчез из его жизни. Понятно, что брать пример с матери Жуньшэн тоже не горел желанием, пускай Сюй Цзинцзин и была невероятно хваткой, успешной женщиной.

«Кем же он всё-таки станет?» — размышлял Юйцин.

Может, актёром? К началу учебного года в старших классах Жуньшэн окончательно избавился от очков. Оказалось, в последнее время без них он видит гораздо лучше. В больнице только развели руками: дальновзоркость прошла сама собой. Врачи лишь предполагали, что дело в бурном росте организма. Без очков точёные, будто сошедшие с картины черты лица Жуньшэна открылись миру, и теперь, куда бы он ни шёл, на него заглядывались. Впрочем, представить взбалмошного Эрмяо на сцене Юйцин не мог. Ему куда больше нравилось, когда тот молча склонялся над книгой: в такие минуты в нём сквозило утончённое, почти аристократическое изящество настоящего учёного.

— Тебе нужно идти в науку, — сказал он как-то Жуньшэну. — Ты умный, усидчивый. Наверняка изобретёшь что-нибудь невероятное.

— Ещё чего, — вяло отозвался тот. — Не слышал, что ли? «Творец ракет получает меньше уличного торговца варёными яйцами».

Увы, эта дикая инверсия доходов умственного и физического труда была суровой реальностью тех лет. При этих мыслях Юйцин всегда вспоминал старшего брата. Дин Юйхуань устроился в Яньцзине, но получал чистыми едва ли девяносто с лишним юаней в месяц. На заводе № 176 даже самому зелёному разнорабочему платили сотню, не говоря уже об инженерах и начальстве. Доходило до абсурда: официант в ресторане с неоконченным средним образованием заколачивал по двести юаней, а дипломированные выпускники лучших вузов страны не видели и половины этой суммы.

Ли Шуминь по этому поводу не раз устраивала дома сцены. Посетовав на несправедливость жизни, она принималась распекать Юйфэнь за её нелепые прожекты, после чего наседала на Чжоу Хуэй, требуя, чтобы та подняла старые связи: нельзя, мол, позволять девчонке пускать жизнь на самотёк.

Юйцин полагал, что в заводе нет ничего дурного, но Юйфэнь от одной мысли о проходной бросало в дрожь. В своё время она отказалась от поступления в консерваторию, однако мечта всё ещё тлела под грудой пепла повседневности. Это медленно её убивало. В редких разговорах с братом в её голосе сквозило такое горькое, глухое раскаяние, что у Юйцина сжималось сердце.

«Жизнь ведь даётся только раз», — думал Юйцин.

Если к чему-то лежит душа, сдаваться без боя нельзя. Что хуже — изводить себя вечными сожалениями или шагнуть в пугающую неизвестность? В силу возраста и лёгкого характера Юйцин не мог прочувствовать это до конца, но, глядя на сестру, он впервые осознал, какой непосильной ношей порой бывает выбор.

Впрочем, это были взрослые проблемы старших. У самого Юйцина забот тоже хватало.

Старшая школа встретила его далеко не так радушно, как он надеялся. Дорога отнимала уйму сил — крутить педали в один конец приходилось минут сорок. Нагрузка выросла лавинообразно, новые предметы давались с трудом. Но хуже всего дела обстояли в самом классе: здешние ребята оказались куда злее и придирчивее прежних школьных приятелей.

Из-за маленького роста Юйцина усадили за первую парту, и как-то незаметно на его плечи легли обязанности всех дежурных сразу. Парень он был не ленивый и поначалу не спорил, но со временем это превратилось в откровенное издевательство. Стоило ему взбунтоваться и отказаться убирать за другими, как на уроке физкультуры мальчишки объявили ему бойкот — просто не пустили играть в баскетбол, заявив, что коротышкам на площадке делать нечего.

Заправлял всем этим парень по имени Цао Юй — рослый, видный, из тех, кого учителя называют образцовыми учениками. Сам Цао Юй Дин Юйцина знать не знал, зато Юйцин о нём слышал: отец заводилы возглавлял финансовый отдел завода. С первого же дня Цао Юй стал негласным лидером среди парней, и с того же дня Юйцин превратился для него в мишень для насмешек.

Попытки поговорить по-хорошему наталкивались на глумливый хохот. Подростки жестоки: им непременно нужно сбиться в стаю вокруг вожака. Цао Юй быстро занял трон, а Юйцин оказался по ту сторону баррикад — в глухой, ледяной изоляции.

Такого поворота Юйцин ожидать не мог. Общительный, весёлый, он всегда легко находил общий язык со сверстниками. Почему теперь всё пошло наперекосяк, в его голове не укладывалось. Наверное, права Юйфэнь: в жизни полно вещей, не поддающихся никакой логике.

Юйцину невольно вспомнилась начальная школа и вечно одинокий Жуньшэн. По сравнению с тем, через что пришлось пройти другу, его собственные неприятности казались сущими пустяками — подумаешь, лишний раз помыл доску да выслушал пару колкостей.

К тому же, если говорить начистоту, он не слишком-то и переживал. Юйцин ко всем относился тепло и открыто, а чужая злоба его попросту не задевала. Окружающие считали его простодушным добряком, но сам он знал: это не доброта, а обыкновенное равнодушие.

Он пришёл сюда просто учиться. Захочет кто-то дружить — отлично, нет — ну и ладно. Настоящие, верные друзья у него уже были.

Парни в классе вели себя как идиоты, зато девчонки относились к нему хорошо. К тому же за соседней партой сидела Линь Цяожоу, его бывшая одноклассница по средней школе. Она была такой же неразговорчивой, как Жуньшэн, но её молчаливое присутствие дарило Юйцину ощущение привычного уюта.

Жуньшэну обо всех этих дразгах Юйцин не рассказывал. У того и своих проблем хватало выше крыши. Гао Цзяньпин умудрился как-то насолить Сюй Цзинцзин и теперь околачивался у них в Сиреновом дворике чуть ли не каждый день. Являлся без приглашения, искал хозяйку, уверял, что им необходимо объясниться. Понятно, что дома он никого не находил — Жуньшэн сам понятия не имел, куда делась мать. Однако настырный ухажёр не сдавался, из-за чего Жуньшэн теперьшний раз избегал возвращаться домой, боясь наткнуться у дверей на незваного гостя.

Когда Юйцин наконец выкатил велосипед за школьные ворота, на улице уже стемнело. Зимой сумерки опускаются стремительно.

Своего беглеца он отыскал в полуподвальной бильярдной на противоположной стороне улицы. Несколько парней из их школы наперебой зазывали Жуньшэна остаться:

— Эй, ты куда? Давай ещё партейку!

— Проголодался, — коротко бросил Жуньшэн. — Домой пора.

Закинув сумку на плечо, он кивнул Юйцину:

— Поехали.

Вдогонку им крикнули:

— В выходные на городском стадионе в баскетбол играем! Подгребай, если время будет!

Жуньшэн небрежно взмахнул рукой на прощание и, приобняв Юйцина за плечи, вывел его на холодный воздух.

Возле велосипедной парковки он принялся возиться с замком, вполголоса ворча:

— Этот Гао совсем с катушек съехал. Хоть бы его сегодня у подъезда не было...

— А что у них с тётушкой Суй стряслось? — любопытствовал Юйцин.

— Чёрт их разберёт, — поморщился Жуньшэн.

— Слушай, раз так неохота с ним сталкиваться, переночуй у нас, — предложил Юйцин. — Мама сегодня на суточном дежурстве, дома только бабушка. Поцелует твой Гао закрытую дверь раз-другой, поймёт, что никого нет, да и перестанет таскаться.

Жуньшэн искоса глянул на него и медленно облизнул губы.

— Не стоит. Мы пару раз так делали, и мне показалось, твоей бабушке это не особо нравится. Вид у неё по утрам был хмурый.

— Да брось ты, выдумываешь, — отмахнулся Юйцин. — Бабушка слова худого не сказала. Ну, если стесняешься, просто уйдёшь потихоньку спозаранку.

— Ага, — как-то странно усмехнулся Жуньшэн. — Прямо как будто мы с тобой шуры-муры крутим.

Юйцин прыснул от смеха:

— Левую или правую?

— Ту, что посередине, — Жуньшэн ощутимо ущипнул его за бок.

Юйцин со смехом отпрянул. Мальчишки вечно отпускали подобные пошлые шуточки, но с Жуньшэном валять дурака было привычнее всего. Они ведь выросли бок о бок. К тому же Жуньшэн всегда точно соизмерял силу и никогда не делал ему больно.

Они принялись щекотать друг друга. За последнее время Жуньшэн заметно обогнал его в росте, так что силами мериться, как в детстве, уже не получалось. Юйцин пошёл на хитрость и начал вовсе тыкать друга под рёбра. Доведённый до белого каления Жуньшэн изловчился и шутливо потянулся рукой к его паху. Хоть зимняя одежда и была плотной, место это оставалось слишком уязвимым. Юйцин тут же взмолился о пощаде:

— Всё-всё, сдаюсь! Мой косяк, больше не будем!

Тяжело дыша, Жуньшэн крепко обхватил его сзади и напоследок собственнически, будто не желая отпускать, прижал к себе. Юйцин шутливо закрылся руками:

— Всё, хорош. Поехали, а то сейчас снег повалит.

Щёки Жуньшэна горели румянцем. Оба тяжело и часто дышали, и их тёплый выдох облачками пара таял в морозном воздухе. Жуньшэн подержал его в объятиях ещё несколько секунд, нехотя разжал руки и вдруг, словно повинувшись какому-то неосознанному порыву, поднёс ладонь к лицу и тихонько вдохнул её запах.

Мир вокруг словно замер. Юйцин застыл, глядя, как рука Жуньшэна окаменела на полпути и тот поспешно, виновато её опустил.

Юйцин вспыхнул до ушей и неловко толкнул его в грудь:

— Ты чего? Извращенец, что ли?

Жуньшэн мгновенно переменялся в лице. Он отвёл взгляд и буркнул совершенно без прежней уверенности:

— Да я просто нос почесал, вечно тебе всякая ерунда чудится.

Не дожидаясь ответа, он вскочил на велосипед и быстро нажал на педали.

Юйцин несколько секунд растерянно смотрел ему вслед, а затем поспешил догнать друга.

<http://bllate.org/book/19415/1973071>